

Изъ записокъ Н. В. Исакова.

(окончаніе)¹⁾.

Кавказская война 1846—48 г.г. (продолженіе). VIII. — Движеніе на помощь осажденному укрѣпленію Ахты. IX. — Командировка съ донесеніемъ къ кн. Воронцову и въ Петербургъ. Назначеніе флигель-адъютантомъ.

VIII.

Въ послѣднихъ дняхъ августа, распустивъ войска, съ конвоемъ заѣхали въ Кази-Кумухъ. На ханскомъ дворѣ, гдѣ остановились, водили какую-то сѣрую лошадь, у сѣдла были привѣшены маленькіе мѣшки, вышитые золотомъ. Оказалось, что Елисуйскій султанъ Даніель-бэкъ посадилъ одного своего нукера въ яму за желаніе его жениться на служанкѣ султанши. Нукеръ былъ, какъ видно, молодецъ, вылѣзъ изъ ямы ночью, укралъ дѣвушку, укралъ съ конюшни султана добрую лошадь и сдѣлалъ по горамъ 80 верстъ вдвоемъ на одной лошади. Ну и лошадь должна же быть здоровая. Я приказалъ ее осмотрѣть нашимъ татарамъ и промѣнялъ ее сейчасъ же на свою съ придачею 50 цѣлковыхъ.

Даніель-бэкъ былъ нашей службы генералъ, лихой, но съ кѣмъ-то изъ начальниковъ не поладилъ, кажется, съ генераломъ Шварцемъ, на Лезгинской линіи и передался Шамилю. Съ тѣхъ поръ былъ его набомъ и, чтобы заслужить довѣріе подозрительнаго Шамиля, старался вредить русскимъ, гдѣ только могъ. Сѣрый конь его, видимо выбранный знакомою рукою, былъ выбранъ удачно, отличной былъ ѣзды и сильный ходокъ, аршинъ двухъ съ половиною ростомъ. Лучше этой лошади я не имѣлъ на Кавказѣ за всѣ три года моего пребыванія. Она же и спасла двухъ бѣглецовъ, которые поплатились бы своей головой, что хорошо зналъ довѣренный нукеръ Даніель-бэка.

Наконецъ мы крупнымъ шагомъ пріѣхали въ Шуру, пора было вздохнуть.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ апрѣль—іюль.

Кн. Аргутинскій сказалъ мнѣ, что находить приличнымъ сдѣлать 30 августа балъ. Такъ и сдѣлалось. Созвали, что было дамъ, начальство и танцоровъ. Аргутинскій вошелъ въ залу, раскланялся невпопадъ, какъ всегда, на разныя стороны и скоро скрылся за карточный столъ, за которымъ онъ также былъ чужой, какъ и за всѣми общественными занятіями и развлеченіями: путалъ, денегъ считать не умѣлъ и скоро утомлялся, но однако же выучился нарочно играть, говоря, что это будетъ ему развлеченіемъ.

Въ концѣ бала меня вызвали. Въ спальнѣ кн. Аргутинскаго я нашелъ нашего мирзу Абдурахмана и съ нимъ какого-то оборваннаго лезгина съ огромнымъ кинжаломъ между ногами. Онъ привезъ въ шапкѣ записку отъ коменданта кр. Ахты, полковника Рота. Ротъ писалъ, что укрѣпленіе обложено со всѣхъ сторонъ, что у него только 2 роты гарнизона, что онъ задержалъ еще 2 роты, пришедшія случайно за провіантомъ, и просилъ поспѣшить къ нему на помощь.

Я незамѣтно вызвалъ Аргутинскаго, и пока остальные танцовали, мы въ кабинетѣ у него вызывали по очереди полковыхъ командировъ, чтобы дѣлать распоряженіе о направленіи съ разныхъ сторонъ баталіоновъ, бывшихъ еще въ пути своемъ къ штабъ-квартирамъ. Здѣсь досталось командиру Дагестанскаго полка, Николаю Ивановичу Евдокимову. Аргутинскій замѣтилъ, что онъ своротилъ одинъ изъ батальоновъ въ штабъ-квартиру, вмѣсто другого назначенія, ему даннаго, и догадался, что это для какихъ-нибудь хозяйственныхъ работъ. „Я бы совѣтовалъ вамъ, полковникъ, думать больше о войскахъ, нежели о вашихъ карманахъ“, сказалъ онъ, стоя у дверей, будущему графу и владѣльцу многихъ тысячъ десятинъ.

Евдокимовъ и тогда считался однимъ изъ надежныхъ отдѣльныхъ начальниковъ. Умный, весьма храбрый и распорядительный, онъ перебивалъ въ разныхъ передѣлкахъ, зналъ край и горцевъ, былъ приставомъ въ горахъ, говорилъ по-татарски, былъ раненъ въ лицо два раза накрестъ, и знакъ на щекѣ въ видѣ третьяго глаза далъ ему прозвище у горцевъ „учъ-гезъ“ (пучеглазый). Однимъ словомъ, онъ былъ боевой администраторъ, зналъ горы, какъ свои карманы, а послѣдніе, къ сожалѣнію, онъ туго набивалъ и, что хуже, имѣлъ эту репутацію ¹⁾).

¹⁾ Репутація однако едва-ли справедливая, мы лично не склонны ей вѣрить, у Евдокимова было много враговъ и было кому распускать эти слухи.

Б. Колубакинъ.

Кн. Барятинскій отличилъ его въ послѣдствіи вьсьма высоко, и думаю, что Евдокимовъ, командуя большими отрядами, оказалъ дѣйствительныя заслуги при окончательномъ покореніи Кавказа и заслуженно сдѣлался графомъ, хотя на Кавказѣ не легко свыклись съ этимъ титуломъ; менѣе заслуженно и справедливо отдали ему огромное количество земли, 10—12 тысячъ десятинъ да еще съ нефтяными колодцами, а сколькимъ бѣднымъ служилымъ кавказцамъ не дали и 100 десятинъ для прокормленія себя подъ инвалидную старость.

Послѣ этого разговора я видѣлъ Евдокимова только одинъ еще разъ въ 60 годахъ въ Царскомъ, мы ждали на вокзалѣ пріѣзда государя изъ Гатчины. Евдокимовъ пріѣхалъ представляться. Онъ уже былъ графъ и очень богатъ и славенъ.

Приглашенное общество мирно покончило балъ и узнало объ Ахтахъ, когда мы выѣхали въ походъ. По дорогѣ къ Курагу, лежащей на Самурѣ, какъ и Ахты, мы еще получили свѣдѣнія отъ Рота: непріятель обстрѣливалъ изъ орудій укрѣпленія и дѣлалъ попытки къ штурму. Ротъ звалъ помощь самую скорую. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ это не такъ-то скоро дѣлалось. Войска находились на значительномъ разстояніи отъ передовыхъ укрѣпленій Ахты, и непріятель, конечно, выжидалъ, когда они разойдутся, чтобы быстро сосредоточиться на отдаленномъ пунктѣ. Въ Курагѣ остановились, чтобы поджидать подхода войскъ. Мы сидѣли за обѣдомъ, какъ неожиданно вошелъ Бучкѣевъ, обритый и одѣтый по-лезгински. Бучкѣевъ офицеръ Графскаго полка, всегда командовалъ Самурской милиціей, какъ человекъ, хорошо знающій край и языкъ. Онъ былъ въ Ахтахъ застигнутъ непріателемъ. Ротъ его послалъ, какъ живого свидѣтеля тому, до какой степени нужна была помощь. Бучкѣевъ вышелъ ночью по руслу рѣки Самура, за шумомъ ея быстрины, онъ счастливо прокрался и миновалъ всѣ непріятельскіе посты и достигъ Курага. Это было не легкая штука, но Бучкѣевъ прошелъ бы мѣдныя трубы, если бы онъ ихъ не проходилъ прежде.

Плохія были вѣсти. Непріятелю удалось гранатами взорвать нашъ пороховой погребъ и произвести большія опустошенія внутри укрѣпленія. Мѣста для прикрытія гарнизона уже оставалось немного, храбрый Ротъ былъ раненъ въ грудь, убитыхъ и раненыхъ много, непріятель ежедневно дѣлаетъ штурмы; до сихъ поръ всѣ они были отбиты, но далѣе ручаться трудно, гарнизонъ слабѣетъ, а непріятель видимо торопится взять укрѣпленіе. Помощью мѣшкать нельзя.

Аргутинскій рѣшилъ сдѣлать движеніе прямо къ укрѣпленія черезъ горный хребетъ, на Кудухъ и Араканы, хотя зналъ, что мостъ непріателемъ разрушенъ, но чтобы только показать гарнизону идущую помощь и ободрить его держаться. Признаюсь, я трудно понималъ причины нѣкоторой медленности въ движеніяхъ Аргутинскаго: считалъ ли онъ необходимымъ явиться съ достаточными силами и почему онъ надѣялся, что гарнизонъ до тѣхъ поръ удержится, когда ему очевидно было очень плохо. Но Аргутинскій медлилъ. Движеніе наше прямо къ Ахтамъ вызвало у бѣднаго гарнизона сильное ура, пальбу и даже вылазку. Ободрили его, но день потеряли даромъ, должны были тотчасъ же отойти назадъ, чтобы поискать брода; думали даже строить тутъ мостъ, но безлѣсное Курагское ханство не представляло никакихъ къ тому средствъ. Юсуфъ-бекъ Курагскій былъ умный, очень надежный человѣкъ и очень приличный.

У насъ въ штабѣ былъ молодой горный инженеръ Хрещатицкій, сынъ Донскаго атамана. Несчастный жестоко страдалъ отъ этой медленности. На него жаль было смотрѣть: въ Ахтахъ была его молодая жена, пріѣхавшая къ дочери Рота погостить, и была застигнута непріателемъ. Онъ ежеминутно ожидалъ извѣстія, что Ахты взяты Шамилемъ и бѣдная его жена въ рукахъ горцевъ.

Вдоль узкой долины, отдѣленной отъ р. Самура горнымъ хребтомъ, шли мы цѣлый день, чтобы скорѣе достичь мѣста, гдѣ бродъ на рѣкѣ возможенъ. Къ вечеру пришли, но дождь до такой степени растворилъ землю, что подняться на горы и перевалиться черезъ нихъ въ Самуръ не было возможности.

Рѣка представляла нѣсколько рукавовъ и текла весьма быстро, но воды было не болѣе, какъ по поясъ. Утромъ пѣхота раздѣлась, взялась за руки въ отдѣленіяхъ, и батальоны съ пѣсню „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“ переправились молодецки и красиво. Драгуны стояли шеренгою, чтобы подхватывать тѣхъ, кого бы унесло теченіемъ. Я оставался еще на этомъ берегу, спроваживая горную артиллерію, какъ вдругъ предо мною изъ земли выросли 2 лезгина въ изодранныхъ лохмотьяхъ, вооруженные по-лезгински. „Ваше высокоблагородіе, гдѣ князь находится“,—обратились они ко мнѣ, снявъ папахи со своихъ бритыхъ головъ.—„А вы кто такіе“.—Мы унтеръ-офицеры, вышли изъ Ахтовъ ночью русломъ рѣки. У насъ очень уже нехорошо. Полковникъ послалъ насъ съ запискою“.

Одинъ изъ нихъ выдернулъ изъ-подъ подкладки своей папахи кусокъ свернутой бумаги. Я прочелъ въ ней слѣдующее: „La garnison perd beaucoup de monde, la poudriere a fait explosion, le puit n'existe plus de manière que l'eau commence à nous manquer. Si vous ne venez pas le matin à notre secours, nous sommes perdus“¹⁾. Сколько мнѣ помнится, таковы были выраженія записки. Я посадилъ этихъ двухъ удалыхъ унтеръ-офицеровъ сзади двухъ казаковъ и отправилъ на тотъ берегъ къ кн. Аргутинскому.

Уже смеркалось, очевидно сегоднѣ никакого движенія сдѣлать нельзя. Очевидно, что записка написана наканунѣ вечеромъ и на утро надежды этихъ несчастныхъ исчезли, мы были еще въ 30 верстахъ отъ нихъ и положительно не знали, можетъ быть укрѣпленіе уже взято; непріятель, зная наше приближеніе, торопился покончить съ укрѣпленіемъ, гналъ на штурмъ лезгинъ съ ожесточеніемъ. Бѣдный Ротъ не могъ двинуться, пуля засѣла въ груди, около него была единственная дочь, дѣвушка лѣтъ 20, и г-жа Хрещатицкая. Ежеминутно онъ ожидалъ, что горцы наконецъ ворвутся, и ему грезилось, что сдѣлаютъ съ этими бѣдными женщинами.

Ночь мы провели въ большомъ волненіи: что-то случилось съ гарнизономъ? Если бы укрѣпленіе было взято, для Аргутинскаго это было бы постыдно. Онъ это понималъ, но что же онъ медлилъ въ первый день—не понимаю. Съ разсвѣтомъ двинулись; версть черезъ 15 встрѣтили непріятеля. Слѣва у насъ былъ отрогъ горъ, справа Самуръ, между ними долина версты въ полторы, передъ нами отрогъ горный пересѣкалъ долину поперекъ. Ауль Мискенджи находился влѣво, и жители, собравшись на горѣ, ожидали, какъ пойдутъ дѣла, кто одолѣетъ, чтобы къ тому и пристать. Впереди въ завалахъ было много значковъ, много навалено камней, слышно было „Алла Аллахъ“—боевая пѣсня горцевъ. Опередивъ войска, мы остановились, поджидая ихъ прихода. Видимо непріятель встрѣтилъ насъ, чтобы не допустить къ Ахтамъ. Аргутинскій приказалъ дать завтракать, а самъ ходилъ и толковалъ со своими татарами. Послано было приказаніе всей кавалеріи переправиться на ту сторону, пройти тѣмъ берегомъ и зайти въ тылъ непріятелю, въ долину, лежащую тотчасъ за его позиціей, въ то время, какъ увидятъ нашу атаку съ фронта. Графскіе батальоны подошли. Аргутинскій приказалъ Манюкину, ихъ новому пол-

¹⁾ Гарнизонъ теряетъ массу людей, пороховой погребъ взорванъ, колодець уничтоженъ и ощущается недостатокъ въ водѣ. Если вы утромъ не придете къ намъ на помощь, мы погибли.

ковому командиру, атаковать съ фронта завалы. Графцы стояли все лѣто на Турчидагѣ, въ экспедиціи Гергебиля не участвовали и рвались въ бой. Подождавъ, когда кавалерія приблизилась уже по той сторонѣ къ непріятельской позиціи, онъ пустилъ графцевъ на штурмъ. У непріятеля орудій не было. Гурскій поставилъ свою горную батарею рядомъ, и гранаты и ракеты лопались въ завалахъ удачно. Графцы стремились впередъ и шли въ 3 батальонныхъ колоннахъ: справа, по самому берегу, маіоръ Алтуховъ, слѣва подъ горою, занятою мискенджинцами, шелъ маіоръ Кашинскій, въ серединѣ—Пироговъ. Послали сказать 3-му Самурскому батальону, подъ командою Капгера, чтобы какъ можно скорѣе стягивались къ позиціи. Графцы шли молодцами, подступъ къ заваламъ былъ въ гору, огонь изъ заваловъ сдѣлался чрезвычайно частымъ и сильнымъ, крики раздавались слышнѣе, значки мелькали въ дыму, батальоны наши шли, оставляя слѣдъ раненыхъ. Мы стояли около батареи и, торопя Гурскаго, впивались въ малѣйшее движеніе батальоновъ. Аргутинскій взялъ меня за руку, сказавъ: „Я тебѣ говорилъ, любезный, Алтуховъ съ душой человѣкъ, посмотри, какъ идетъ“. Батальонъ его дѣйствительно безъ выстрѣла шелъ по берегу, вдоль Самура, угрожающе для непріятеля. Слева, на Кашинскаго летѣли камни съ горы отъ мискенджинцевъ. Его пунктъ атаки былъ командующимъ всею позиціей, огонь былъ очень сильный, горцы не выдержали, выскочили изъ заваловъ и бросились въ кинжалы на Кашинскаго. Его батальонъ внесъ ихъ обратно за завалы на своихъ штыкахъ, и какъ только показались штыки, тамъ все смолкло на мгновеніе—дѣло было рѣшено. Аргутинскій послалъ меня остановить войска на самыхъ завалахъ, опасаясь, что они зарвутся вразсыпную и наткнутся на непріятельскую кавалерію. Круто какъ-то повернувъ, я чуть было не попалъ подъ ракету. „Куда вы“, голосъ Гурскаго меня спасъ. Прискакалъ на завалы въ минуту ихъ взятія. Картина ихъ была оригинальна: батальоны были вразсыпную между огромными камнями, штыки въ крови, глаза, налитые кровью. Графцы расходились, барабанъ бьетъ сборъ, никто не слушаетъ, лѣзутъ впередъ. За завалами открытая ровная долина. Человѣкъ 30 конныхъ ѣдутъ шеренгою, шагомъ, на хорошихъ коняхъ, хорошо одѣтые, не стрѣляютъ, а только посматриваютъ назадъ, вся долина усѣяна бѣгущими. Шеренга, оставаясь сзади всѣхъ, какъ бы сдерживаетъ азартъ нашихъ солдатиковъ. Она и въ дѣйствительности могла бы повернуть и рубить отдѣльныя

группы нашихъ солдатъ, если бы онѣ вышли изъ массы камней, составляющихъ завалы. Я любовался ея стройностью и угрожающимъ спокойствіемъ. Кто-то бѣжалъ къ ней хромя и торопясь сѣсть на лошадь. Переводчикъ сказалъ: „Это должно быть Хаджи-Мурадъ“. Кое-какъ съ большимъ трудомъ остановили и немного устроили батальоны. „Мы ихъ руками задеремъ, зачѣмъ останавливаетъ начальство“, только и слышно со всѣхъ сторонъ. Многие попались изъ лезгинъ, сдаются, просятъ помилованія, офицеры запрещаютъ бить, но солдатики умудряются сзади, мимоходомъ, пырнуть штыкомъ. На штыкъ останется иногда шуба, онъ не оглядываясь такъ и несетъ ее на штыкъ, кругомъ хохотъ. Нужно отдать справедливость, что солдатики въ такую минуту бываютъ порядочными звѣрьми и не скоро ихъ успокоишь, какъ разойдутся. Но у меня другая была забота: поскорѣе набросить нашу переправляющуюся черезъ рѣку кавалерію на всю эту массу бѣгущихъ по долину. Не тутъ-то было. Джафаръ Кули ага распорядился такъ, что впереди всѣхъ была его родная Кубинская милиція съ его братомъ во главѣ, т.-е. наименѣе отважная часть кавалеріи, а дивизионъ Нижегородскихъ драгунъ былъ въ хвостѣ, да кромѣ того попали при переправѣ на глубокое и быстрое мѣсто, стало сносить быстриной. Я потерялъ голосъ, крича изо всѣхъ силъ: „Драгунъ впередъ“, шумъ быстрины все заглушалъ. Наконецъ, видя отчаянные мои знаки, Али-Ханъ съ Аварскою милиціей перегналъ кубинцевъ въ водѣ и человекъ 40 выскочило со своимъ значкомъ на берегъ и, недолго думая, все понеслось и врѣзалось въ конную группу кавалеріи. Мой переводчикъ - аварецъ тоже исчезъ. Затѣмъ явились юнкера драгунскаго дивизиона. Я ихъ остановилъ, не взирая на умоляющія просьбы пустить въ атаку. Ихъ было человекъ 16. Сдѣлать это было нельзя, вся долина была еще занята. На переправѣ подвигались очень тихо. Наконецъ эскадронъ драгунъ опередилъ другихъ, выскочилъ на берегъ—брызги летѣли кругомъ, кони фыркали, наконецъ выплыли. Тихоцкій, командиръ дивизиона, сказалъ, что теперь можно, и все это стремглавъ бросилось по долину. Но уже непріятель взбирался въ гору по камнямъ и многого схватить нельзя было, дорога дѣлалась узкою, нужно было спѣшиться и перестрѣливаться. Аргутинскій, проѣзжая лично впередъ, приказалъ остаться мнѣ на мѣстѣ, дожидаться Самурскихъ батальоновъ, отправить раненыхъ, направить все оставшее. Я присѣлъ отдохнуть. Каптеръ подошелъ съ упрекомъ, что я не прислалъ его преду-

предить, что предстоитъ дѣло. Упрекъ былъ напрасный: самурцы бы не участвовали, потому что все было рѣшено графцами одними. Послано было къ Капгеру, какъ только завидѣли непріятельскую позицію, онъ самъ одинъ пріѣхать бы не могъ, такъ какъ командовалъ колонною самурцевъ, но однако же сожалѣніе его было горькое, такъ какъ въ сраженіи онъ не участвовалъ. У насъ не обошлось безъ потерь серьезныхъ, въ числѣ которыхъ жаль было смертельно раненаго капитана Сергѣя Добрышина, отважнаго офицера. Я его помню въ корпусѣ. Онъ былъ сынъ безногаго старика-эконома, полковника, съ большимъ семействомъ барышенъ и самъ былъ, какъ красная дѣвушка. Былъ раненъ сильно въ лицо Лазаревъ (впослѣдствіи генераль-адъютантъ, герой Карса и начальникъ Ахаль-Текинской экспедиціи). Потомъ, лѣтъ черезъ 30, онъ подтрунивалъ надо мною, увѣряя, что я проѣхалъ мимо, не остановившись передъ нимъ на перевязкѣ—право, не помню. Въ темнотѣ совершенной я приближался къ Ахтамъ, не зная рѣшительно ничего о послѣдствіяхъ сраженія. Нигдѣ ни войскъ, ни какихъ-нибудь постовъ, ни командъ отдѣльныхъ и помину нѣтъ, вдали стало видѣться зарево. Наконецъ дорога раздѣлилась. Одна шла въ укрѣпленіе, другая въ аулъ Ахты, и тутъ, на перекресткѣ, тоже ни души. Ясно было, что непріятель бѣжалъ окончательно. Въ скирдахъ много хлѣба. Конница располагается лагеремъ, огни разведены повсюду—холодно. Я прежде всего отправился въ укрѣпленіе. Вся внутренность его завалена, темнота, едва можно различить лежащихъ. Что на ногахъ, въ замѣтномъ волненіи. Нѣсколько кучекъ, разговоръ вездѣ оживленный. Наталкиваюсь на кого-то, различаю повязаннаго и перевязаннаго офицера. Кто это? Штабсъ-капитанъ Новоселовъ, главный защитникъ. Обнимаю и поздравляю его. Онъ разсказалъ, что ночь послѣдняя была жестокая: горцы безпрестанно кидались на обрушенныя уже части укрѣпленія, хватались за орудія и заваливали мертвыми тѣлами ровъ передъ нимъ. Гарнизонъ, кто оставался на ногахъ, дрался бодро. Мы знали, что вы близко, говорилъ Новоселовъ, но были страшно измучены и много очень раненыхъ, внутри укрѣпленія было тѣсно. На разсвѣтѣ видѣли, какъ цѣлое скопище горцевъ потянулось навстрѣчу вамъ, затѣмъ слышали стрѣльбу у Мискенджи, знали, что идетъ сраженіе. Затѣмъ, черезъ очень короткое время показался бѣгущій непріятель прямо въ аулъ, не останавливаясь передъ укрѣпленіемъ, передъ которымъ какъ-то незамѣтно всѣ исчезли.

Передъ воротами укрѣпленія показались нѣсколько татаръ, которые кричали по-русски: „Князь идетъ“. Мы не вѣрили глазамъ своимъ, приняли ихъ за непріятеля и не мудрено— послѣ такихъ долгихъ страданій, потерь и безнадежнаго почти положенія, освобожденіе какъ бы упало съ неба.

Дѣйствительно метаморфоза была полная. Нужно было полчаса энергичнаго штурма графцевъ, чтобы тотчасъ непріятель бѣжалъ со всѣхъ пунктовъ, которые занималъ, и въ эту ночь онъ остановился только за 40 верстъ отъ Ахтовъ.

Пробираясь съ трудомъ, меня проводили туда, гдѣ былъ кн. Аргутинскій, приподняли завѣшенный коверъ, и я вошелъ въ освѣщенную комнату. Окна были завѣшаны кулями, потому что отъ взрывовъ стекла всѣ были выбиты. Въ углу, на кровати, въ шинели сидѣлъ раненый полковникъ Ротъ, посерединѣ стоялъ столъ съ самоваромъ; дочь Рота, очень миловидная дѣвушка, разливала чай; она была одѣта и причесана, какъ будто ничего здѣсь не произошло. Тутъ же сидѣла жена Хрещетицкаго въ салопѣ, потому что все ея имущество завалило взрывомъ и она выскочила съ постели въ чемъ была. Тутъ же за столомъ сидѣлъ князь. Мнѣ дали чаю. Разказы были очень оживленные, радость была страшная, горе позабыто. Гарнизонъ велъ себя дѣйствительно отлично. Горцы штурмовали много разъ, подъ одно орудіе подвели и взорвали даже мину. Когда Ротъ былъ раненъ, гарнизонъ самъ подчинился штабсъ-капитану Новоселову, помимо старшаго офицера. Новоселовъ прошелъ черезъ всѣ передряги и додержался молодцомъ, несмотря на двѣ раны. Надежды оставалось немного, гарнизонъ ожидалъ, что укрѣпленіе будетъ взято, и оно можетъ быть и было бы взято, если бы Шамиль былъ рѣшительнѣе, потому что гарнизонъ былъ очень ослабленъ.

Аргутинскій всталъ изъ-за стола, взялъ меня въ сторону: „Приготовь подробное донесеніе, Николай Васильевичъ, и вы сами поѣдете съ нимъ, только никому не говорите“. Я отправился отыскивать свою палатку, признаюсь, съ чувствомъ тоже неожиданной радости. Тоже сталъ видѣться отдыхъ невдалекѣ.

Кн. Александръ Гагаринъ со своей Дербентскою милиціей былъ въ отрядѣ и просилъ помѣститься на ночлегъ со мною. Я послалъ его отыскивать. Его нашли подъ стогомъ сѣна въ пароксизмѣ лихорадки. На всѣ мои увѣщанія, онъ просилъ оставить его въ покоѣ и отказался отъ чая даже. Поужинавъ на-скоро со своими, я принялся писать донесеніе. Петер-

бургъ уже мерещился мнѣ и мѣшалъ связному изложенію событій. Холодная, дождливая ночь. Утромъ на коня, преслѣдовать непріятеля, а вечеромъ опять писать. И такъ, сдѣлавъ 2 перехода до Рутула, я былъ готовъ и донесеніе тоже.

Изъ Лучека 25 сентября Аргутинскій отпустилъ меня потечески, приказавъ заѣхать къ Манюкину и сказать, что онъ Кашинскому припомнить, какъ онъ смѣлъ распорядиться самовластно и побить какого-то старшину аула. Я заѣхалъ проститься къ Манюкину и предупредилъ, чтобы Кашинскій не показывался, пока гроза не пройдетъ. Послѣ такого блестящаго дѣла и несмотря на геройское поведеніе Кашинскаго, Аргутинскій былъ въ состояніи разругать его при всѣхъ. Зашелъ проститься къ своимъ Кузьмичамъ, какъ называли поголовно штабъ Аргутинскаго. Хорошіе люди, и жили мы не ссорясь. Не долги были сборы: тощій вьюкъ, постоянный спутникъ экспедицій, донской казакъ, который замѣнилъ мнѣ моего вѣрнаго отличнаго урядника Уварова, произведеннаго въ офицеры, да нѣсколько надежныхъ лезгинъ для сопровожденія, прямо черезъ горы, ближайшею дорогою на Кизляръ, такъ какъ главнокомандующій былъ въ Керчи. Стало темнѣть, снѣгъ началъ падать хлопьями. Я завернулся на сѣдлѣ въ бурку и Богъ знаетъ какими тропинками ѣхалъ машинально за проводникомъ, а мысли были въ прошедшемъ: давно ли, не вчера ли еще, не видно было конца этой жизни, довольно тяжелой для 27-лѣтняго человѣка, уже успѣвшаго испытать и иную жизнь. Теперь, какъ кажется, предстоитъ возможность и отдохнуть отъ нея немного, конечно на время, я думалъ. Усталые и озябшіе мы ночевали въ какомъ-то неизвѣстномъ аулѣ, подъ охраною главнаго проводника, извѣстнаго всему Дагестану, какъ близкаго человѣка къ Аргутинскому. Если не ошибаюсь, со мной былъ Хаджи-Атай, ѣхавшій на время домой. На другой день были въ Кумухѣ, и я съ большимъ удовольствіемъ напился чаю и поѣлъ у Агаларъ-бека. Я строго слѣдовалъ совѣтамъ провожавшихъ меня татаръ: ѣхать всегда шагомъ, сидѣть на лошади смирно, даже не разговаривать, послѣ 3—4 часовъ ѣзды отдыхать часа 3 или 4, какъ можно меньше ѣсть и пить вина очень мало; при этихъ условіяхъ можно далеко ѣхать. Какъ увѣряли меня провожавшіе меня лезгины, большой вопросъ состоялъ въ томъ, какова попадалась лошадь, перемѣняемая изрѣдка—отъ ея шага зависѣла и степень утомленія. Проѣхавъ ночью Цудахродъ, гдѣ былъ какой-то праздникъ, шумъ, крикъ, огни и пѣсни, въ Хаджа-

Махи ночью насилу впустили въ укрѣпленіе. Комендантъ гарнизона изъ двухъ ротъ отпоилъ меня чаемъ. Въ Шуру пріѣхалъ вечеромъ, прямо къ коменданту, который садился за ужинъ. Онъ жилъ въ большомъ домѣ поляка съ садомъ, и это былъ первый цивилизованный пунктъ на моемъ пути. Все мнѣ показалось тамъ отлично. На разсвѣтѣ я былъ уже въ пути, а къ вечеру въ Петровскомъ укрѣпленіи. Весь день на моей сѣрой лошади, которая не ходила въ походъ по болѣзни, и этотъ длинный переходъ, благодаря ей, былъ шуткою. Въ Петровскомъ я засталъ Лагоду со своей батареей, онъ принялъ меня холодно. Затѣмъ объяснилось: ему за Гергебиль не дали никакой награды. Аргутинскій, видя его батарею, уходящую подъ командой Ремера, т. к. Лагода былъ раненъ и уѣхалъ изъ отряда, разсердился за худобу лошадей. Лагоду часто подозрѣвали, что онъ ихъ не кормилъ, и Аргутинскій никакъ не согласился его представить, хотя я упрашивалъ, потому что цѣнилъ Лагоду и не раздѣлялъ мнѣнія, что онъ пользовался доходами съ батареи больше другихъ, но Аргутинскій раздражался всякій разъ, когда дѣло шло о личной пользѣ начальниковъ частей. Это было старое, закоренѣлое зло на Кавказѣ, которое не только вывести, но и обуздать было трудно. Но Аргутинскій, кажется, зналъ, что Лагода былъ страстный охотникъ до картежной игры и сближалъ упрямо эту его страсть въ своемъ воображеніи съ худобой лошадей.

Послѣднія 50 верстъ по постамъ Донскихъ полковъ я ѣхалъ большею частью рысью, не жалѣя себя, въ виду скорой почтовой дороги, хотя усталость сказывалась уже серьезно, между плечами въ спинѣ я чувствовалъ какъ бы раскаленное желѣзо. Наконецъ, болотистый грязный Кизляръ. Звонили къ вечернѣ, когда я вѣхалъ на дворъ къ коменданту Чумдѣеву, который долго служилъ у Граббе и распоряжался его походнымъ хозяйствомъ. Все отзывалось уже Россіей. Пока я слушалъ рассказы коменданта и ѣлъ икру, балыкъ и кое-что, запивая кизлярскимъ виномъ, тройка звенѣла колокольчиками у подѣзда. Я считалъ себя какъ бы окончившимъ Кавказское путешествіе. Въ четверо сутокъ я сдѣлалъ до 400 верстъ верхомъ изъ Рутула до Кизляра черезъ горы и могъ позволить себѣ отдохнуть. Когда я сѣлъ въ почтовую телѣгу на такъ называемый переплетъ изъ веревокъ, покрытый сѣномъ, я подумалъ невольно о суетѣ изобрѣвшихъ кареты и коляски. Въ теченіе 3 лѣтъ я почти не зналъ другого экипажа, какъ

верховую лошадь, потому и 400 верстъ могли быть пройдены почти за одинъ присѣсть, и теперь мнѣ казалось, что ничего лучше перекладной не можетъ быть, но, какъ и все, и это прекрасное впечатлѣніе скоро миновало. Сдѣлавъ верстъ 400, въ Георгіевскѣ, когда я уже съѣзжалъ на Керчь, встрѣтилъ Веревкина (Александра Николаевича), ѣдущаго изъ Керчи. Онъ мнѣ сообщилъ, что при немъ кн. Воронцовъ сѣлъ на пароходъ и отправился въ Потю, что извѣстій изъ нашего отряда, кромѣ самыхъ первоначальныхъ о вторженіи непріятели, не получалось, но что отъ нетерпѣнія ихъ имѣтъ онъ и уѣхалъ изъ Керчи, и что мнѣ сейчасъ же нужно повернуть и черезъ Тифлисъ ѣхать на тотъ конецъ Кавказа. Повернули оглобли моей тройки и поѣхали вмѣстѣ.

Веревкинъ давно служилъ на Кавказѣ и былъ уже полковникомъ Генеральнаго Штаба и постояннымъ походнымъ начальникомъ военной канцеляріи Воронцова. Онъ былъ весьма способный на это дѣло офицеръ, зналъ хорошо край, все, что въ немъ дѣлалось, и писалъ отлично и во всякое время дня и ночи, безъ разбора. У него былъ линейный казначій урядникъ Косякинъ за походнаго писаря и секретаря, тоже отличный, способный къ этому дѣлу человекъ, но мученикъ, ибо Веревкинъ былъ отвратительнаго характера и былъ всегда почти выпивши, *entre deux vins*¹⁾. У него на рабочемъ столѣ всегда была серебряная чарочка, а подъ столомъ кюрассо или джинъ, или просто водка, и онъ часто прибѣгалъ къ ней во время работы, а работалъ дѣйствительно отлично. Въ Салтахъ онъ былъ съ нами, и я его близко видѣлъ, иногда работая съ нимъ. Коцебу его не любилъ за беспорядочную жизнь, но терпѣлъ за способности. Когда Веревкинъ былъ совершенно трезвъ, онъ былъ добрый и хорошій товарищъ, но пьянаго нужно было обходить. На каждой пирушкѣ, обѣдѣ онъ сильно выпивалъ и затѣмъ звалъ Косякина неистовымъ голосомъ, садился за работу, диктовалъ и самъ писалъ, затѣмъ засыпалъ, Косякинъ тоже засыпалъ, ибо тоже былъ не глупъ выпить. Веревкинъ просыпался испуганный, такъ какъ всѣ работы всегда были спѣшныя, и раздражался надъ Косякинымъ, какъ надъ негромъ, хотя тотъ уже былъ офицеромъ. Однимъ словомъ, Веревкинъ все болѣе и болѣе дѣлался невозможнымъ по глупости своего обращенія и все продолжалъ, однако же, писать самыя подробныя доне-

¹⁾ Между двухъ вишь.

сенія главнокомандующаго къ государю о краѣ, о его будущемъ и о военныхъ дѣйствіяхъ въ немъ.

Разставшись не безъ удовольствія съ Веревкинымъ около Тифлиса, я пріѣхалъ въ Кутаисъ, сдѣлавъ верстъ 600, чтобы здѣсь узнать новое. Всѣ лошади почтовые были сведены на дорогу отъ Поти въ Зугдиды, имѣніе княгини Дадіани, куда Воронцовъ намѣренъ былъ сдѣлать визитъ, къ тогдашней владѣтельницѣ Мингреліи. Слѣдовательно, 130 верстъ еще предстояло верхомъ по казачьимъ постамъ, ну это было уже чистая каторга. На послѣднемъ посту, верстъ за 30 до Поти, я лежалъ, какъ пласть, отъ изнеможенія, выбился совершенно изъ силъ. Внезапно наѣхала на меня въ эту минуту часть свиты Воронцова, возвращавшаяся въ Тифлисъ. Дундуковъ, бывшій въ ея числѣ, сообщилъ мнѣ, что кн. Воронцовъ уже знаетъ все случившееся у насъ въ краѣ, что Аргутинскій одновременно со мною послалъ своего адъютанта Деллингзгаузена въ Тифлисъ съ такимъ же извѣстіемъ, и онъ успѣлъ черезъ горы проѣхать, а изъ Тифлиса послалъ въ Поти къ кн. Воронцову курьера.

Кн. Дундуковъ, который обыкновенно все зналъ, что дѣлается и даже думается около кн. Воронцова, и былъ близкій къ нему человѣкъ, сказалъ мнѣ, что я долженъ сейчасъ же садиться и ѣхать, а если не могу, то приказать привязать себя къ лошади, ибо Коцебу настаиваетъ, чтобы послать фельдъегеря въ Петербургъ, такъ какъ задерживать такое извѣстіе послѣ тѣхъ тревожныхъ, кои были посланы государю, нельзя, а Воронцовъ хочетъ меня послать съ донесеніемъ и крайній срокъ положенъ завтра утромъ. „Если ты не пріѣдешь къ разсвѣту, поѣдетъ фельдъегерь. Вотъ ты и разсуждай теперь, какъ знаешь“. Затѣмъ чай съ лимономъ освѣжилъ меня, я сѣлъ и выѣхалъ не разсуждая. Стало темнѣть, усталость и сонъ меня одолѣвали до галлюцинацій, дорога была большая, великолѣпнымъ лѣсомъ, ровная, ночь теплая и полная луна. Казалось, что съ обѣихъ сторонъ около меня вмѣсто деревьевъ, какіе-то столы, а кругомъ столовъ сидѣли рыцари въ шляпахъ, кубки и чаши стояли на столахъ. Я видѣлъ только это, какъ будто деревьевъ не было совсѣмъ. Наконецъ я остановился, разсчитывая, что къ разсвѣту всегда успѣю пріѣхать. Я рѣшился отдохнуть и прилегъ, заказавъ строго двумъ сопровождавшихъ меня казакамъ дать мнѣ только полчаса отдыха и непременно разбудить. Не знаю, сколько времени я забылся, но вдругъ слышу свирѣли пасту-

ховъ, выгоняющихъ стада изъ деревни. Первая мысль, что это означаетъ уже утро и я опоздалъ. Я вскочилъ въ испугъ, вижу, великолѣпная лунная ночь, тишина, оба мои казака спятъ крѣпкимъ сномъ, только шакалы заливаются кругомъ. Ну, подумалъ я, съ этимъ народомъ рисковать нельзя и ѣхать нужно тотчасъ же. Когда я передъ разсвѣтомъ подѣжалъ уже къ Поти, огромная трава по берегу Ріона мнѣ казалась мушкетерами и маркизами, и шпаги были сзади и фижмы были на-лицо, такъ я отчетливо видѣлъ всѣ подробности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сознание было, что дѣло сдѣлано и что я пріѣхалъ.

Все еще спало. Наткнувшись на квартиру Василя Осиповича Бебутова, я вымылся и переодѣлся тамъ, пока разсвѣтало, сходилъ къ Коцебу и сказалъ его человѣку, чтобы, когда пойдетъ будить, сказалъ бы Павлу Евстафьевичу, что я пріѣхалъ.

„Ну, счастливы, что подоспѣли“, говоритъ мнѣ Коцебу при встрѣчѣ, „а мы уже собирались послать фельдъегеря“. Пошли вмѣстѣ къ кн. Воронцову. Въ пріемной у него на большомъ столѣ стоялъ огромный самоваръ, вся его свита пила тутъ чай, шумѣли, вещи укладывались, экипажи были заложены. Князь сейчасъ уѣзжалъ. Кн. Сергѣй Васильчиковъ обрадовался моему пріѣзду во-время и пошелъ скорѣе сказать кн. Воронцову. Князь меня встрѣтилъ тоже довольный, повидимому, возможностью послать меня. Кое-какія еще подробности, кое-какія свѣдѣнія я передалъ ему.

Кн. Воронцовъ, выйдя изъ кабинета, чтобы уѣзжать, вынесъ мнѣ маленькую записку, сложенную трехъугольникомъ. „Отдайте, любезный Исаковъ, это Чернышеву¹⁾. Я извиняюсь, что пишу такъ безцеремонно, но скажите, что это въ минуту отъѣзда, когда у меня все уложено и что вы не знаете, что въ ней написано“. Послѣднія слова были впрочемъ прибавлены, чтобы мнѣ дать понять, что эта записка касается именно меня. Князь обнялъ меня. Я положилъ его записку въ сумку съ другими пакетами и былъ готовъ. Коцебу присталъ ко мнѣ, чтобы я сейчасъ же отправлялся въ путь—и безъ того долго задержали донесеніе государю, говорилъ онъ. Меня очень влекло поѣхать на пароходъ. Генераль-адъютантъ Будбергъ, начальникъ Черноморской линіи, былъ тутъ и уходилъ тотчасъ же въ Керчь. Заманчиво было отдохнуть на пароходъ, вмѣсто сѣдла и перекладной, но Коцебу увѣрялъ, что это не

¹⁾ Кн. Ал. Ив. Чернышевъ—военный министръ.

вѣрно, можетъ быть бурное время, проѣдутъ долго, можетъ быть Будбергъ будетъ заходить въ разные порты, перекладные вѣрнѣе. Я сдался и обѣщаль тотчасъ выѣхать, но, грѣшный человѣкъ, безъ малѣйшаго намѣренія исполнить. Прежде всего, съ кн. Сергѣемъ Васильчиковымъ и Николаи отправились въ портъ, тамъ позавтракали у какого-то француза устрицами, потомъ попали къ кн. Бебутову на завтракъ, который ему давалъ городъ, затѣмъ я отправился спать и вечеромъ поднялся съ болью во всѣхъ членахъ, однако же сѣлъ на казачью лошадь и началъ свою Одиссею вновь. Мнѣ предстояло сдѣлать 130 верстъ верхомъ, чтобы получить благодать сдѣлать 3.000 верстъ на перекладной, но погода въ Закавказьѣ стояла прекрасная, я ѣхалъ курьеромъ къ государю отъ главнокомандующаго Кавказомъ—все, слѣдовательно, было розово впереди.

Началось трепаніе день и ночь, началась непогода, слякоть и грязь, и дождь, и морозъ подъ утро, постоянное дреманіе на короткой телѣгѣ, гдѣ-нибудь урывками полчаса сна, кое гдѣ поѣсть, однимъ словомъ, та мука, которой настоящее поколѣніе уже не знаетъ. Багажъ мой былъ небольшой: тѣ же выючные чемоданы изъ отряда, шуба, бурка, сабля, подаренная княземъ Аргутинскимъ,—вотъ и все. Помню: во Владикавказѣ заѣхалъ на минутку къ начальнику края, генералу Ильменскому, хлебнулъ у него бульону съ яйцомъ, только и видѣлъ отъ его знаменитаго повара. Ставрополь, Новочеркасскъ, передъ вечеромъ, Воронежъ ночью. Въ Москвѣ заѣхалъ обнять тетушку, которая жила одинокой и крайне была рада видѣть меня живымъ и здоровымъ. Но уже между Москвой и Петербургомъ сталъ выбиваться изъ силъ и на станціи Мѣдные слегъ и не могъ шевельнуться. Тогдашнія станціи этой дороги были большіе дома въ огромныхъ селеніяхъ, съ массою ямщиковъ и троекъ съ бубенчиками, всегда передъ станціей стояла ихъ куча и ожидала проѣзжихъ; въ домахъ у хозяина готовился всегда обѣдъ въ ожиданіи тѣхъ же проѣзжихъ господъ. Лежа пластомъ на кожаномъ диванѣ, я соображалъ, не слѣдуетъ ли однако же бумаги послать съ курьеромъ, ибо видимо я самъ не доползу. Хорошая старушка хозяйка однако же отпоила горячимъ чаемъ, накормила, и я легъ въ сѣно повозки, сидѣть уже рѣшительно не могъ. Такъ всю ночь меня и вещи перекаладывали изъ телѣги въ телѣгу счетомъ, но утромъ, на другой день, 25 октября, я подѣзжалъ къ Петербургу, сидя бодро на переплетѣ и подгоняя ямщика,

какъ будто усталости и не бывало. Я выѣхалъ изъ отряда 25-го, слѣдовательно, цѣлый мѣсяцъ былъ въ дорогѣ день и ночь, но голова была занята тѣмъ, что буду рассказывать государю, если онъ меня будетъ спрашивать, я зналъ, что онъ имѣетъ эту привычку, зналъ тоже, что б. Николаи былъ назначенъ флигель-адъютантомъ тому назадъ нѣсколько мѣсяцевъ, привезя извѣстіе о взятіи Гергебиля. Примѣръ, не виданный еще для офицеровъ армейскаго Генеральнаго Штаба, слѣдовательно, другого примѣра для себя не ждалъ, но былъ доволенъ попасть въ Петербургъ послѣ 3-хъ-лѣтняго отсутствія.

Обычай указывалъ ѣхать прямо къ дежурному генералу, Павлу Николаевичу Игнатьеву¹⁾. Онъ былъ съ докладомъ въ Царскомъ, гдѣ жилъ государь. Я поѣхалъ къ Лобанову дому, гдѣ жилъ начальникъ Канцеляріи в. министра, Николай Николаевичъ Анненковъ²⁾. Слышу, доложили: „Курьеръ съ Кавказа“. — „Зови его“. Вхожу. — „Когда ты выѣхалъ“. Говорю, 25-го. — „Отчего такъ долго“. Слепой Анненковъ подходитъ ближе и видитъ, что это не фельдъегеръ. „Кто вы такой“. Я назвалъ себя. Онъ меня обнялъ, извиняясь, что не узналъ. „Вамъ сейчасъ же нужно ѣхать въ Царское. Государь очень беспокоится о судьбѣ Ахтинскаго укрѣпленія и войскъ Дагестанскаго отряда. Тамъ же вы найдете военнаго министра и представите ему пакетъ“. Опять на перекладную, на станцію и въ Царское Село, дѣло 2 часовъ. Вхожу въ Лицей³⁾, въ квартиру кн. Чернышева. Онъ на молебствіи по случаю пріѣзда Ольги Николаевны Виртембергской. Въ пріемной на кожаномъ казенномъ диванѣ я присѣлъ и тотчасъ же заснулъ. Открываю глаза на шумъ; передо мною въ парадной формѣ кн. Чернышевъ въ бѣлыхъ лосинахъ и гусарскихъ короткихъ сапогахъ. „Кто вы такой? Откуда? Войдите сюда, садитесь, вы должны были очень устать“. У меня былъ двойной экземпляръ донесенія: одно къ в. министру, другое къ государю въ собственныя руки. Распечатывая и читая, Чернышевъ спрашивалъ меня о подробностяхъ, затѣмъ сложилъ все вмѣстѣ и записку кн. Воронцова вложилъ въ середину, перегнулъ пополамъ, запечаталъ въ пакетъ и надписалъ: „Донесенія кн. Воронцова, привезенныя штабсъ-капитаномъ Генеральнаго Штаба Исако-

¹⁾ Впослѣдствіи графъ, предсѣдатель Комитета Министровъ.

²⁾ Впослѣдствіи кievскій генераль-губернаторъ, государственный контролеръ.

³⁾ Зданіе около дворца, гдѣ до 1832 г. помѣщался Александровскій Лицей.

вымъ".—Отправьтесь сейчасъ же къ государю. Фельдъегерь васъ проводить, и доложите, что я нечаянно распечаталъ и пакетъ, адресованный въ собственныя руки". Садимся съ фельдъегеремъ въ его таратайку, выѣзжаемъ изъ-подъ арки; Фельдъегерь говоритъ мнѣ: „Государь идетъ".—„Гдѣ". Смотрю по саду, отъ Николаевского дворца, прямо на угловую калитку, что противъ лица, движется между деревьями высокая бѣлая фуражка. Мы вышли изъ таратайки. Государь, увидѣвъ офицера безъ эполетъ, съ какою-то кривою саблею сверхъ сюртука и съ сумкою на груди, издали очень громко спросилъ: „Откуда". Я громко отвѣчалъ: „Съ Кавказа, Ваше Величество".—„Ну, что". Въ это время я уже былъ близко отъ него и могъ сказать, что кн. Воронцовъ приказалъ мнѣ поздравить Е. В. съ побѣдою, одержанною кн. Аргутинскимъ, и освобожденіемъ укрѣпленія Ахты. Государь спросилъ: „Вы изъ отряда".—„Изъ отряда кн. Аргутинскаго, В. В.". Взялъ у меня бумаги и сказалъ: „Идите ко мнѣ во дворецъ и подождите меня, я сейчасъ приду", а самъ продолжалъ въ прежнемъ направленіи. На подѣздѣ у государя на меня смотрѣли, какъ на дикаго, шубу съ меня сняли, но затруднились, куда ее повѣсить, она была вся покрыта грязью и отъ мороза стояла, какъ деревянная Камердинеръ государя, пока я дожидался, началъ спрашивать меня, но черезъ 10 минутъ уже звонокъ послышался изъ кабинета, и я былъ введенъ къ государю.

„Я тебя не узналъ", встрѣтилъ меня государь, „ты очень загорѣлъ въ дорогѣ, глаза у тебя красны, какъ у кролика. Поди сюда, садись и рассказывай". Въ это время онъ распечатывалъ пакетъ и первое, что ему попало подъ глаза, была маленькая записка кн. Воронцова къ Чернышеву, содержанія которой я не долженъ былъ знать. Онъ пріостановился на ней, прочелъ ее, потомъ свернулъ все въ сторону и вновь повторилъ: „Рассказывай все сначала, какъ было". Государь сѣлъ у окна, выходящаго въ садъ и завѣшаннаго зеленою тафтою, мнѣ указалъ стулъ противъ себя, насъ раздѣлялъ маленькій столикъ.

Я сталъ рассказывать, стараясь въ связи представить весь актъ этого непріятельскаго вторженія, защиту Ахтинскаго гарнизона, движеніе отряда къ нему на помощь. Государь останавливалъ меня заботливыми вопросами, частностями о войскахъ, объ офицерахъ, о раненыхъ, о комендантѣ, иногда у него наворачивались слезы. Это продолжалось, я думаю, три

четверти часа. Затѣмъ онъ всталъ. „Мнѣ кн. Воронцовъ и прежде хвалилъ тебя, спасибо, я знаю, что ты служилъ хорошо у кн. Аргутинскаго. Пойди теперь, отдохни, я думаю, ты очень усталъ. До свиданія, увидимся“. Я чуть было не поскользнулся отъ отвычки къ паркету и слабости ногъ. „Видишь“, сказалъ смѣясь государь и подошелъ къ письменному столу своему, разстегивая сюртукъ и вынимая ключъ, какъ будто онъ былъ у него на цѣпочкѣ. Когда я садился въ свою перекладную, чтобы ѣхать къ Чернышеву, такъ какъ онъ приказалъ мнѣ послѣ государя придти къ нему, меня догналъ лакей. „Государь зоветъ Васъ“. Я воротился и нашелъ камердинера государя печатающимъ какой-то маленькій пакетъ. Онъ сказалъ мнѣ, что государь не дождался меня и ушелъ къ императрицѣ, а мнѣ приказалъ этотъ пакетъ отвезти военному министру. Я положилъ пакетъ въ сумку, которая у меня, по обычаю курьеровъ, была на груди, и поѣхалъ въ лицей, весьма тронутый милостивымъ приѣмомъ государя. Начинало смеркаться. Кн. Чернышевъ вышелъ ко мнѣ въ коротенькомъ халатѣ и въ парикѣ. Извиняясь, онъ спросилъ меня, что сказалъ государь. Я сталъ искать въ сумкѣ пакетъ и долго не находилъ его въ складкахъ Мюридскаго значка, который мнѣ подарилъ мой переводчикъ, послѣ схватки Аварской милиціи съ непріателемъ подъ Мискенджи. Я принужденъ былъ вынуть значекъ изъ сумки. Кн. Чернышевъ спросилъ, что такое, и заявилъ, что это должно однако же принадлежать къ общимъ трофеямъ, но я объяснилъ ему, что на Кавказѣ этому не придаютъ никакой цѣны. Онъ, взявъ пакетъ, подошелъ къ окну и въ одноглазый свой лорнетъ сталъ читать маленькую оторванную бумажку, въ немъ находившуюся. Я ждалъ довольно лихорадочно, что будетъ.

Затѣмъ живо оборотился ко мнѣ и сказалъ: „Ну, поздравляю васъ, государь назначаетъ васъ своимъ флигель-адъютантомъ, это такая милость, которую вы конечно постараетесь заслужить“. Я, конечно, не имѣлъ никакого повода ожидать этой награды. Подобныя награды для Кавказа были рѣдки, для армейскихъ офицеровъ вообще почти никогда, изъ Генеральнаго Штаба еще менѣе; передо мною, какъ я сказалъ, былъ пожалованъ б. Николаи, но его отецъ былъ долго посланникомъ, другомъ Воронцова, и я не думаю, чтобы записка его къ Чернышеву могла заключать рекомендацію въ тѣхъ же выраженіяхъ, которыя вызвали назначеніе Николаи. Думаю, слѣдовательно, что мысль принадлежала государю самому, и я

всегда въ послѣдствіи имѣлъ въ виду не дать никакого повода въ моей службѣ государю сожалѣть, что онъ меня назначилъ, и полагаю по многимъ примѣтамъ, что успѣлъ въ этомъ.

Я попросилъ у кн. Чернышева позволенія ѣхать въ городъ, онъ отвѣчалъ, что завтра назначеніе мое должно быть въ высочайшемъ приказѣ, а потому отпустилъ меня только на условіи, чтобы никто объ этомъ не зналъ до приказа.

Я обѣщалъ и на станціи желѣзной дороги едва попалъ въ вагонъ, до такой степени моя шуба путала кондукторовъ. Къ счастью тутъ находились знакомые: Михаилъ Дубельтъ, Никъ Левашовъ, они меня взяли подъ свое покровительство, и я за то рассказывалъ имъ послѣднія событія Кавказскія. Затѣмъ они придумали мнѣ награды, но той, которая была уже, не придумали. Въ Петербургѣ я прямо направился въ домъ къ почтенному и доброму Александру Ивановичу Мясоѣдову, нашелъ его мирно отдыхающимъ послѣ обѣда у себя наверху. Онъ былъ искренно радъ видѣть меня живымъ и возвратившимся, сейчасъ устроилъ меня у себя и я ему рассказалъ все со мною бывшее въ этотъ день, но главнаго не сказалъ.

На другой день я пошелъ навѣстить А. Н. Муравьева. Вдругъ туда явились гонцы за мною отъ воен. министра, разыскивая по городу, меня встрѣтилъ дежурный адъютантъ Д. И. Скобелевъ. „Это я тебя послалъ отыскивать у Андрея Муравьева“. Ко мнѣ вышелъ кн. Василій Андреевичъ Долгорукій, котораго я видѣлъ въ первый разъ. Онъ мнѣ сообщилъ, что кн. Чернышевъ занятъ теперь, приказъ уже состоялся и я имѣю какъ можно скорѣе явиться къ барону Вревскому, помощнику начальника канцеляріи Анненкова, и передать ему всѣ подробности экспедиціи, для составленія статьи въ Инвалидъ. Мы условились съ Вревскимъ на тотъ же день вечеромъ. Возвращаясь домой, я приобрѣлъ себѣ адъютантскую фуражку, какъ видимый знакъ моего флигель-адъютантства. Когда я представилъ этотъ знакъ А. И. Мясоѣдову, то онъ меня принялся бранить, что я отъ него скрывалъ мое назначеніе, а потомъ призналъ этотъ добрый человѣкъ, что я поступилъ хорошо.

Вечеромъ, въ 7 съ половиной часовъ, я былъ у б. Вревскаго. Онъ мнѣ далъ сигару и изрѣдка обращался ко мнѣ съ вопросами о подробностяхъ, самъ писалъ реляцію. Я скучалъ и дремалъ. Вревскій казался мнѣ весь на пружинахъ по своимъ движеніямъ и разговору. Онъ былъ гораздо умнѣе и лучше, нежели казался, и былъ большимъ фаворитомъ кн. Чернышева.

Мое новое обмундированіе зависѣло отъ извѣстнаго сапож-

ника, старика Пеля, въ какой срокъ онъ сошьетъ ботфорты. Онъ былъ сапожникъ государя и всей свиты. Черезъ недѣлю я представился въ Царскомъ Селѣ. Было воскресенье, и послѣ обѣдни вся царская фамилія была внизу, передъ церковью, въ залѣ. Государь пріѣхалъ изъ своего дворца къ обѣднѣ и, увидѣвъ меня въ корридорѣ, внизу, передъ церковью, приказалъ мнѣ придти къ нему во дворецъ послѣ обѣдни.

По длинному темному корридору, налѣво была дверь въ его большую пріемную, предшествующую кабинету. Вся мебель была, какъ во всѣхъ почти дворцахъ на половинѣ государя, краснаго дерева съ зеленымъ сафьяномъ.

Меня позвали въ кабинетъ. Николай Павловичъ внушалъ своей персоной нѣкоторый страхъ. Онъ взялъ меня за плечи и отеческимъ тономъ сказалъ: „Я надѣюсь, что ты будешь продолжать такъ же служить и впредь, какъ показалъ себя на Кавказѣ, будешь продолжать заниматься и не будешь слишкомъ вдаваться въ свѣтскія увлеченія, которыя при твоей молодости не замедлятъ явиться передъ тобою со всѣмъ ихъ соблазномъ“. Затѣмъ я узналъ, что остаюсь въ свитѣ и не возвращаюсь на Кавказъ.

Сообщилъ **П. Н. Исаковъ.**